

правыя эмоцыі, ставіць унутраныя бар'еры пачуццю суперажывання, свядома пазбаўляе сябе многіх жыццёвых радасцяў"³. Духоўныя пошукі маладога чалавека, якія часта заходзяць у тупік, інтэлектуальныя галаваломкі, унутраныя і знешнія супярэчнасці, няздзейсненыя мары, кампрамісы – гэта тыя рэаліі, у якія ўглядаюцца пражыцікі “новай хвалі”, імкнучыся адшукаць вобразы станючых герояў нашага часу.

У працэсе шматвяковай практыкі былі выпрацаваны і выпрабаваны важныя жыццёвыя ісціны, якія сталі нормай народнай маралі, таму нельга пагарджаць імі. Іх бяруць за ўзор пісьменнікі новай генерацыі, якія ствараюць вобраз сучасніка. Праз мастацкую дасканаласць лепшыя апавяданні 80 — 90-х гг. узрушваюць, выклікаюць на роздум, выхоўваюць і маральна, і сацыяльна, і нават палітычна.

¹ Конеў Я. Казырная шасцёрка // Маладосць. - 1997. - N 3. - С.49.

² Яно ўздыдзе! // ЛіМ. - 1996. - 5 ліп. - С.5.

³ Козіч В. Чалавек і прырода. - Мн., 1998. - С.98.

М.А. Широкова

ВЗГЛЯДЫ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО НА ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

Во время пребывания молодого Достоевского в Семипалатинской ссылке ему пришлось заниматься репетиторством в семье Мельчаковых. Ученица, по ее собственному признанию, досталась ему не очень способная, арифметика давалась ей с трудом. Достоевский был строг и настойчив в своих требованиях, но терпелив к детским выходкам своей ученицы. Он поощрял ее успехи небольшими гостинцами и старался пресекать любые конфликты.

К Достоевскому в 60-80-е гг. XIX в. за советами по воспитанию детей обращались родители и школьные учителя (что и послужило одним из толчков к изданию “Дневника писателя”). Великий князь Константин Николаевич попросил Достоевского повлиять на его детей: Константина (любимца писателя, ставшего впоследствии даровитым поэтом) и Дмитрия¹. Достоевский интересовался положением детей на фабриках, посещал воспитательные дома, колонию для малолетних преступников, тюремный замок. На страницах “Дневника писателя” он давал критическую оценку воспитательной системе в этих заведениях и вносил свои предложения. Достоевский наблюдал за воспитанием детей в крестьянских, мещанских, купеческих и интеллигентских семьях, изучал жизнь детей, просящих милостыню. На страницах “Дневника писателя” помещались отклики на судебные де-

ла детей против родителей и родителей против детей; Достоевский полемизировал с адвокатами, которые оправдывали жестокое обращение с детьми. В 70-е гг. XIX в. в прессе велись дискуссии о педагогике как науке. Достоевский затрагивал в своих публицистических трудах проблемы женского образования, обустройства народных школ, подготовки педагогических кадров. Писатель высказывал свои предложения и по поводу проводившейся в системе образования “классической реформы”.

Основной педагогический тезис Достоевского – “любовью лишь купим сердца детей наших”. “Ребенку надо солнце, детские игры и всюду светлый пример и хоть каплю любви к нему”. Герои Достоевского, которые умеют обходиться с детьми, реализуют своей жизнью этот принцип воспитания: они светятся “тихою веселостию”, не считают себя вправе судить окружающих (старец Зосима, Алеша в “Братьях Карамазовых”). При воспитании детей нельзя забывать, что “мы учим, и они нас делают лучше только одним соприкосновением с ними. Мы должны родниться с ними душою каждый день, каждый час”².

Методы воспитания должны выбираться с учетом индивидуальных склонностей и недостатков ребенка. Воспитание детских натур, зараженных гордостью, возможно через развитие в них чувства жалости и сострадания (княжна Катя в “Неточке Незвановой”). Алеша Карамазов говорит самодовольному Коле Красоткину: “Вам очень полезно узнавать вот такие “жалкие” и “добрые”. – М.Ш.) существа, чтоб уметь ценить и еще многое, что узнаете именно из знакомства с этими существами... Это лучше всего вас переделяет”. Для малолетних преступников большие результаты дает, по мнению Достоевского, перевоспитание трудом. Детей нужно наказывать, но, подчеркивает писатель, никогда кара не должна сопровождаться потерей веры в возможность исправления ребенка.

В художественных и публицистических произведениях Достоевского показываются следующие пороки воспитания: 1) пренебрежительное отношение взрослых к душевному миру ребенка, что всегда замечают дети (Неточка, Маленький герой); 2) излишняя назойливость, которая беспокоит и раздражает ребенка (“Неточка Незванова”); 3) предвзятость, ведущая к ошибочным заключениям о характере ребенка (мнение княгини Б. о “тупости” застенчивой Неточки Незвановой, пережившей тяжелую драму); 4) заигрывание с детьми, происходящее от “небрежения” о них и неустойчивости требований воспитателя: “Не оставляйте во мне тяжелого подозрения, что вы хвалите (меня) из изуверства, во вред истине, чтоб не переставать нравиться”, – говорит Подросток отцу; 5) “слепая” любовь. Когда родители “лисят” (слово Достоевского) перед детьми, те становятся домашними деспотами (семьи Красоткиных, Хохлаковых в “Братьях Карамазо-

вых”). Напротив, Алеша Карамазов называет гордого Колю Красоткина в глаза “натурой прелестною, хотя и извращенною”, и ребенок принимает это замечание с благодарностью; б) стремление все облегчить ребенку, “не только всякое изучение, всякое приобретение знаний, но даже игру и игрушки”. ”Две-три мысли, два-три впечатления, поглубже выжитые в детстве, собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь, чем самая облегченная школа, из которой сплошь и рядом выходит ни то ни се, ни доброе, ни злое”; 7) подавление всякого проявления оригинальности. Идеалом родителей в этом случае выступает богатая посредственность, а воспитание детей заключается в усвоении начал французского языка и изящных манер (Ганя Иволгин в “Братьях Карамазовых”); 8) жестокость в обращении с детьми, причиной которой являются: а) лень и эгоизм, стремление родителей исключительно к собственному покою, позиция “все нам что-то должны”, “дети – мои собственные, что хочу, то и делаю” (отзыв на дело Джунковских в “Дневнике писателя”); б) извращенность, проявляющаяся в наслаждении при оскорбляемой беззащитности ребенка (Ставрогин в “Бесах”, “хищный тип” в набросках к “Подростку”).

“Главная педагогика – это родительский дом”, - считает Достоевский. Поэтому все силы его как художника направлены на отражение ненормальных, требующих исправления, явлений в семье. Изображенные им семейства – “случайные”, без семейных традиций и преданий, чаще всего разносословные, с незаконнорожденными и сведенными детьми. Вот так, например, обрисовано детство “великого грешника”. “В детстве он живет в чужой семье, в мрачной обстановке и является свидетелем разврата. У него завязывается странная дружба с девочкой, с “хроменькой”, которая его обожает и терпит его высокомерие и даже побои”. Герой еще в детстве совершает преступление³. Дети покидают семью, становятся уличными. “Случайность” семейств – в отсутствии общей для всех членов семьи руководящей идеи: “В семьях наших об высших целях жизни почти и не упоминается, а об идее бессмертия не только уж вовсе не думают, но даже слишком нередко относятся к ней сатирически, и это при детях, с самого их детства, да еще, пожалуй, с нарочным назиданием”⁴. Насмешливое отношение к Отечеству, критиканство, повторение мыслей “с чужого голоса” со стороны родителей и нежелание прививать ребенку нравственные начала приводят к тому, что молодой человек вынужден сам искать “руководящую нить поведения, добра и зла”, которая отсутствует в обществе⁵. А позади – “гадкие” воспоминания детства, небрежности и жестокости родителей. “Надо было с детства более красоты, более окружающей любви, более воспитания. А теперь жажда красоты и идеала и в то же время неверие в него или вера, но нет любви к нему. И беси веруют и трепещут”⁶. “Тяжело деткам в наш век

взростать!” – восклицает Достоевский. “Есть дети, с детства оскорбленные неблагообразием отцов своих, отцов и среды своей, а главное, уже в детстве начинающие понимать беспорядочность и случайность основ всей их жизни, отсутствие установившихся форм и родового предания”. Причем эти семьи преобладают в высших слоях общества⁷.

Дети из “случайных семейств” способны на преступления, в том числе на самоубийство. В ответ на газетную заметку о гимназисте, повесившемся из-за плохой оценки, автор которой обвиняет в случившемся учителя за поставленный им неудовлетворительный балл, Достоевский пишет: “Родители не внушили даже ему (ребенку) долга многое выносить, по примеру того, как и все выносят, для других и для ближних”. Писатель считает, что мальчик убил себя по малодушию, поскольку привык за все требовать награды. Это нравственная лазейка, освобождающая от нравственного долга⁸. “Пьяные на улицах. Никто не хочет работать. Убил себя гимназист, что тяжело учиться. Дряблое, подлое поколение... Никаких долгов и обязательств”⁹.

Сущность воспитания – в привитии “нравственного чувства” [т. 27, 90]. Нравственность не есть слепое следование своим убеждениям. Это сравнение своих поступков и мыслей с нравственным идеалом. “Нравственный образец и идеал у меня есть, дан – Христос” [т. 27, 56]. В черновиках к роману “Братья Карамазовы” писатель выделяет такие темы бесед Алеши с детьми: “Высшая красота не снаружи, а внутри (смотри Гете, 2-я часть “Фауста”). О положении человечества в десятом столетии... “злое злой конец приемлет”. Алеша “разъясняет детям дьявола (Иов пролог), искушение в пустыне” и т. д.¹⁰

Революционеры, считает Достоевский, целенаправленно начинают разрушение общества с атеизма, с расшатывания главного нравственного стержня. Социализм, по мнению писателя, не может дать иного нравственного стержня, нежели “гнусно извращенный здравый смысл” [т. 21, 10]. По поводу самоубийства дочери Герцена Достоевский записал: “Дочь Герцена или по прямолинейности сообщенного ей взгляда, или не вынесла прямолинейности, а душа потребовала более сложного” [т. 24, 277].

Просвещение, по Достоевскому, это не только наука. Это еще и “свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни”. “Наш народ просветился уже давно, приняв Христа и учение его”. Научился он страданиями, прибежище в которых – Христос, и молитвой. Многие жития святых знают в народе наизусть. В молитве “Господи и Владыко живота моего”, которую читают каждый день в Великий Пост, считает Достоевский, вся суть христианства, а в “гимне” “Господи сил, с нами буди” – вся правда Христова [т. 26, 98]. Старец Зосима в “Братьях Карамазовых” говорит: “Молитва есть воспитание”. “В огромном боль-

шинстве народа нашего, – пишет Достоевский, – даже и в петербургских подвалах, даже и при самой скудной духовной обстановке есть все-таки стремление к достоинству, к некоторой порядочности и истинному самоуважению, сохраняется любовь к семье, к детям. Меня особенно поразило, что они... даже с нежностью любят своих болезненных детей, я именно обрадовался мысли, что беспорядки и бесчинства в семейном быту народа... даже среди такой обстановки, как в Петербурге, все же пока исключения, хоть быть может и многочисленны” [т. 22, 113]. Несмотря на бытующее в крестьянских семьях наказания розгой, о детях, по замечанию писателя, там заботятся нередко лучше, чем в семьях высшего общества.

Оторванность от народа, национальной почвы, православия (Достоевский с негодованием говорит о “прогрессисте”, который выгонял от своего ребенка всех нянек, потому что они учили его молиться) “порождает” людей без совести. Образование, науки не могут дать им нравственных координат, – появляются “нечаевцы”, способные из-за боязни доноса убить товарища.

Достоевский отмечает, что его собственный возврат к национальной почве был облегчен воспитанием в глубоко религиозной семье.

Современное ему образование Достоевский критикует с таких сторон: 1) образование порождает засилье посредственности. Казенщина, отсутствие теплой атмосферы приводят к тому, что одаренные дети чувствуют одиночество, а посредственность берет верх. Школа, по мнению писателя, далека от того, чтобы примениться к натуре ребенка. У учителей Достоевский видит безучастное отношение к высшим целям жизни. “Я не помню в моем детстве, – пишет он, – ни одного педагога, и не думаю, чтобы и теперь их было много; все лишь чиновники, получающие жалование”. В черновых набросках к роману “Подросток” Достоевский хотел вывести один из типов современного ему учителя, который “смешивает христианство с коммунизмом”¹¹. “За неимением педагогов действуют циркулярами” [т. 22, 147]. Нескольких учителей-мастеров своего дела, которые действительно могут называться воспитателями, писателю удалось встретить в колонии для малолетних преступников, где педагоги трудились рядом с воспитанниками. Начальник колонии обладал душевным тактом, помогавшим ему подвести провинившегося ребенка к раскаянию; 2) образование не развивает детей. Редакции журнала “Учитель” Достоевский советует не ограничивать детей готовыми идеями и не навязывать им своего понимания действительности. По его мнению, детям нужно давать факты и обучать самостоятельному их осмыслению. Критерием “обученности” выдвигается умение ребенка «машинально» читать, писать и поступать честно. [т. 27, 155]; 3) образование не прецедентно для общества. “У немцев на взгляд отца и сына – гимназия святое де-

ло” [т.22, 65]. У русского же школьника – “никаких знаний и беззаветное самомнение”. “Покажите вы русскому школьнику карту звездного неба, о которой он до сих пор не имел никакого понятия, и он завтра же возвратит вам эту карту исправленную”, – о таком отзыве одного немца рассказывает Аляша Карамазов. Россия, считает Достоевский, отстает от европейских стран по развитию образования [т. 21, 92]. Между тем преподавание на должном уровне некоторых дисциплин может повлиять на духовное развитие молодежи: “История бы спасла от растения и направила бы ум юноши хотя бы в мир исторический из отвлеченного бреда и бурды, составляющих духовный мир нашего общества”; 4) образование оторвано от национальной почвы. “Деньгами вы, например, настроите школ, но учителей сразу не надеваете. Учитель – это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданием, бесчисленным опытом. Но, положим, надеваете деньгами не только учителей, но даже, наконец, и ученых; и что же? – все-таки людей не надеваете”. Учитель “образуется всю историческую жизнь страны” [т. 21, 93]. Классическая реформа (увеличение количества часов на классические языки), проходившая в системе образования по образцу Западной Европы, была, по мнению писателя, слишком поспешной и потому вредной: “Главное, забыли, что мы не Европа”. Саму мысль реформы Достоевский одобряет, но считает, что она “вводится дубиной”, поскольку духовное развитие русского общества отлично от европейского. Там главное – долг, а у русских семейство “растленное”. Писатель предлагает постепенное проведение классической реформы: для начала несколько интенсифицировать изучение классических языков, тогда “классиками” станут наиболее талантливые; через 4 – 5 лет увеличить количество часов на эти предметы по примеру европейских учебных программ [т. 27, 45].

Достоевский считает, что при воспитании и образовании детей уделяется мало внимания русскому языку. С детства ребенка отдают гувернерам-французам, и он превращается в “международного межеумка”, не владеющего родным языком и не способного поэтому к глубокому усвоению иностранного. Это имеет серьезные последствия. Неумение выразить в слове мысль ведет к замедлению умственного развития и преобладанию состояния тоски у молодого человека. Для обучения русскому языку писатель считает полезным заучивание наизусть отрывков из летописи и былин, не смущаясь тем, что их язык древнерусский, близкий церковнославянскому. Последний понятен для православного русского народа и должен быть своим для русской интеллигенции.

Достоевского интересовало и народное образование. Он предлагал открыть несколько разрядов народных школ, различающихся по степени овладения крестьянами письмом и чтением. В школе 2-го

разряда они научились бы “кое-как” читать и писать, а желающие могли бы продолжить обучение на следующем уровне. Постепенно возникли бы школы и высших разрядов, когда сами крестьяне почувствовали бы необходимость и потребность в образовании [т. 22, 45]. Писатель считает, что народное образование не должно идти вопреки религиозным убеждениям, потому что важно сохранить в обществе “умиление” и “сердечное религиозное чувство” [т. 22, 137 – 139]. Священнослужители, по их желанию, также должны привлекаться в качестве учителей в крестьянских школах, тем более что ощущается нехватка педагогических кадров. Молодые учителя, приходящие в крестьянские школы, не знают народа, не доверяют ему, им не хватает упорства, и они бегут от своей должности куда угодно, даже в Америку. Между тем школьный учитель может многое сделать для воспитания народа, в том числе отвращать его постепенно от пьянства, которым заражены низшие слои общества [т. 21, 96].

Писатель высказывал свои соображения и по поводу начавшего тогда развиваться женского образования. Он предлагал следующие требования для открывавшихся в Москве высших женских курсов:

“1) Строгая учебная дисциплина может быть введена и иметь целью требовать от женщин непременно учения, безо всяких поблажек в их пользу, и немедленное исключение тех из них, которые не учатся или учатся дурно.

2) Малейшее нарушение правил нравственности должно повлечь за собою немедленное исключение женщины из числа учащихся.

3) Ежегодные экзамены должны быть безусловно строгими”.

Эти положения были вызваны увеличением числа “эмансипированных женщин”, жаждавших не образования как такового (для лучшего исполнения материнского долга или поддержания материального благосостояния семьи), а эксцентричности, оригинальности и “прогрессивности”, которая в их понимании граничила с разрушением нравственных устоев общества. Достоевский требовал серьезного и уважительного отношения к делу женского образования. К слушательницам женских курсов писатель обратился со следующими словами: “...явиться слушательницей высших курсов с мыслью и надеждою образовать себя, приобрести тем высшие духовные силы, приобрести средства быть через образование более обеспеченною и вооруженною в несчастных условиях жизни; кроме того, вознестись до благородного понятия, что всеобщее образование женщины вносит новую великую и интеллектуальную силу в судьбы общества и человечества, – эта мысль, заявляем мы, эта надежда не только возвышенна, прекрасна и желательна в душе каждой слушательницы будущих высших курсов в России, но именно и есть начало единственного и настоящего разрешения “женского вопроса” и у нас, и в Европе, и

езде, начало настоящей правильной постановки его" [т. 21, 154 – 155].

Некоторые взгляды Достоевского созвучны передовым для его времени педагогическим принципам К.Ушинского, С.Рачинского и других.

Писатель предугадал существенные для настоящего этапа развития педагогической науки положения 1) о роли наследственности в формировании духовного облика человека и определяющем влиянии воспитания и самовоспитания на развитие личности; 2) о двусторонности процессов образования и воспитания;

3) о развивающем и воспитывающем характере обучения; 4) об учете менталитета при формировании системы образования; 5) о воздействии речевого развития ребенка на его мыслительные способности; 6) о непрерывной постепенности и последовательности проведения реформ в сфере образования и т. д.

Достоевский выступал за дифференциацию (по способностям, желанию и т. д.) и индивидуализацию обучения, что свидетельствует о передовом характере его педагогических воззрений.

Писатель выделял следующие основополагающие принципы воспитания:

- 1) патриотизм, 2) учет национальной специфики, 3) сближение с народом,
- 4) духовность, состоящую, по его мнению, в следовании традициям православия,
- 5) уважительное и любовное отношение к ребенку, 6) опору на труд.

Учитель, по мнению Достоевского, может сделать многое для поднятия уровня духовной жизни общества. Педагог должен обладать следующими качествами: самостоятельностью мышления, богатством внутреннего мира, целеустремленностью в служении своему призванию, знанием народа, любовью к Отечеству, уметь уважать ребенка, следовать высшим целям жизни.

Теоретические взгляды Достоевского на воспитание и образование нашли свое практическое воплощение в процессе преподавания и при чтении им публичных лекций в аудитории гимназистов, студентов, курсисток.

¹ Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. - СПб., 1993.

² Пользинский П. С. Детский мир в произведениях Достоевского. - Ревель, 1891.

³ Чулков Г. Как работал Достоевский. - М., 1939. - С. 194.

⁴ Пользинский П. С. Детский мир в произведениях Достоевского. - Ревель, 1891. - С. 66.

⁵ Чулков Г. Как работал Достоевский. - М., 1939. - С. 260.

⁶ Тамсама. С. 165.

⁷ Тамсама. С. 245.

⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. - Л., 1972 – 1990. - Т. 24. - С. 295. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁹ Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского. - Л., 1947. - С. 100.

¹⁰ Чулков Г. Как работал Достоевский. - М., 1939. - С. 286.

¹¹ Долинни А.С. В творческой лаборатории Достоевского. - Л., 1947. - С. 26.

РОЛЯ ТЭАТРА І КІНО ў АДРАДЖЭННІ ДУХОЎНЫХ, МАРАЛЬНЫХ І ЭСТЭТЫЧНЫХ КАШТОЎНАСЦЕЙ

О.О. Грачева

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ И РАЗВИВАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ШКОЛЕ С ТЕАТРАЛЬНЫМ УКЛОНОМ

В системе углубленного художественного образования подожженные разных видов художественного творчества едва ли можно назвать равноправным. Наиболее стройной, отчетливо сознающей специфику своих целей и задач на разных уровнях образования, является на сегодняшний день система обучения музыке. По разнообразию академических и досуговых форм обучения и по степени преемственности между ними к уровню музыкального образования приближается система обучения изобразительному искусству. В области театрального искусства ничего подобного, к сожалению, нет. Традиция, вызвавшая к жизни замечательные достижения, утрачена.

Хочется напомнить, что в XVI-XVIII вв. школьный театр получает широкое распространение на территории Белоруссии и Украины, входивших тогда в состав Речи Посполитой. После того как это дидактическое изобретение иезуитов переняли православные педагоги братских школ, школьный театр начинает распространяться и в России, проникая в послепетровскую эпоху в стены привилегированных учебных заведений, таких как Шляхетный корпус и Смольный институт. В то время педагоги да, вероятно, и родители осознавали, что навыки, осваиваемые в школьном театре, необходимы будущему учителю, образованной матери семейства, офицеру, просто человеку приятному и умеющему себя держать в обществе. Сегодня это осознание утрачено. Занятия молодежи театральным искусством большинство взрослых считает необязательным, ничего не дающим для воспитания и развития личности развлечением.

Развернувшаяся в 90-е гг. в нашей республике работа по созданию театральных классов позволяет надеяться на возвращение театру утраченных позиций в системе художественного образования.

Рассмотрим опыт театральных классов, которые с 1988 г. работают в минской школе № 136.

Прежде всего, определим цель данного вида дифференцированного обучения: это гармоническое развитие личности ученика средствами театрального искусства. В более узком, утилитарном смысле, це-